

А.М. Гребнева

Мордовский государственный университет

Семантические модели мордовских наименований грибов

Аннотация: В статье анализируются семантические модели мордовских диалектных наименований грибов (миконимов), функционирующих как на территории Республики Мордовия, так и за ее пределами. Значительная часть лексического материала впервые вводится в научный оборот; единичным лексемам дается ареальная характеристика.

In the article the semantic models of mordovian dialects names of mushrooms are analysed, functioning both on the territory of the Mordovia Republic and beyond its boundaries. A considerable part of the lexical material is introduced into scientific practice for the first time; areal description is given to some single lexemes.

Ключевые слова: финно-угорские языки, эрзянский язык, мокшанский язык, говоры.

Finno-Ugric languages, the Erzya language, the Moksha language, dialects.

УДК: 811.511.152' 37.

Контактная информация: Саранск, ул. Большевикская, 68. МГУ, филологический факультет. Тел. 8(8342) 476087. E-mail: lengrebneva@rambler.ru.

Познание человеком объективного мира начинается с ощущений и восприятия. Восприятие, характеризующееся предметностью, осмысленностью, избирательностью, позволяет получить образ предмета во всем его многообразии. Воспринимая предмет целиком, человек выделяет какие-то отличительные признаки. Например, называя **сыроежку** *якстере панго* (букв.: красный гриб), носители мордовских языков, вероятно, в первую очередь воспринимали гриб целиком и относили его к виду съедобных или несъедобных (первичный синтез). Затем они выделяли в нем наиболее значимую деталь – красный цвет (анализ). Далее, воспринимая гриб в совокупности его признаков (вторичный синтез), номинаторы давали ему название с учетом и его принадлежности к определенному виду и отличительных признаков. Таким образом, в процессе восприятия явлений и предметов объективной действительности у человека возникают наглядные образы, для которых характерны те признаки, свойства, качества этих явлений и предметов, осознаваемые исключительно носителями того или иного языка.

Известно, что в диалектную лексику мордовских языков наряду с общемордовскими относятся и те слова, бытующие в устной разговорной речи какой-либо части мордовского народа, объединенной территориальной общностью. Многие из них отражают то далекое прошлое мордовских языков, в котором сохранились слова финно-угорского происхождения, до наших дней дошедшие лишь в отдельных говорах мокшанского и эрзянского языков. Сбор, систематизация и тщательное изучение таких слов чрезвычайно актуальны для исследования вопросов истории и языков финно-угорских народов.

Номинанты, характеризующие миконимическую лексику мордовских языков, представляют несомненный интерес для сравнительно-исторических исследований в финно-угорском языкознании. Однако до настоящего времени степень

их изученности, и в частности многих вопросов генезиса, словообразования, диалектного варьирования и др., остается недостаточной.

Целью данной статьи является анализ принципов номинации и определение основных семантических моделей наименований грибов, функционирующих как в мокшанском и эрзянском литературных языках, так и в их диалектах.

С исторической точки зрения почти все названия грибов относятся к эпохе самостоятельного развития мордовских языков. Во всей системе наименований грибов в роли обобщающего их названия выступает слово э. л. *панго*, м. л. *панга* 'гриб', относящееся финно-угорскому к пласту лексики, о чем свидетельствуют параллели, существующие в родственных языках: мар. *понго* 'гриб, грибной', манс. *пангх* 'мухомор', хант. *панк* 'мухомор' < ф.-у. **панкз* [Alvte, 1981, с. 57; Collinder, 1977, с. 65]. Среди исследователей нет единого мнения о происхождении данной лексемы. Так, Е. Когенчу, анализируя иноязычные слова обско-угорских языков, причисляет мансийское и хантыйское названия *мухомора* к разряду иранских заимствований [Когенчу, 1972, с. 112]. Любопытно сопоставить вологодско-ярославское наименование белого гриба *пан*, мн. *паны* [Меркулова, 1967, с. 176] с данными из финно-угорских языков. Возможно, первоначальное значение этого слова обусловлено с семантикой корневой морфемы *пан* = 'нечто, поднятое вверх, нечто выпуклое'. Эта же морфема, по-видимому, обнаруживается в словах э. л. *панго*, м. л. *панга* 'головной убор (женский)', э. л. *пандо*, м. л. *панда* 'возвышенность, гора'. Словообразовательные суффиксы *-го/-га*, *-до/-да* в современных мордовских языках считаются интегрированными. По мнению Д.В. Цыганкина, в подобных образованиях произошла частичная интеграция словообразовательного суффикса с производящей основой, последняя может быть выделена из состава слова только путем сопоставления [Цыганкин, 2006, с. 30].

С семантической точки зрения мордовская диалектная микронимическая лексика очень разнообразна. Собранный нами в полевых условиях материал позволил выделить несколько основных ее моделей:

1. Модель 'цвет' → 'наименование'. Как правило, в рассматриваемой модели в качестве определения выступают следующие лексемы: э. л. *ашо*, м. л. *акша* 'белый'; э. л. *раужо*, м. л. *равжа* 'черный'; э. л. *тюжа*, м. л. *тюжя* 'коричневый'. В обоих мордовских литературных языках параллельно функционируют: э. л. *ашо панго*, м. л. *акша панга* 'белый гриб' (букв.: белый гриб), э. л. *тюжа панго*, м. л. *тюжя панга* 'рыжик' (букв.: коричневый гриб), э. л. *раужо панго*, м. л. *равжа панга* 'груздь черный' (букв.: черный гриб). Однако в диалектах имеются расхождения в наименованиях некоторых грибов э. д. *рауһа пангбт* (б.тлк.) 'свинушки' (букв.: черные грибы) (*-t* – суффикс мн. числа), *равһа алкс панк* (нмн., хлс.) 'шампиньон' (букв.: черный-низ-гриб), м. д. *равһа панга* (ясн.пол.) 'шампиньон' (букв.: черный гриб), а также э. д. *јакс 't'ir 'kaj панк* (хлс.) 'краснушки' (букв.: красные грибы) (*-kaj* – словообразовательный суффикс); *јакс 'er'e пангб* (б.тлк.) 'сыроежка' (букв.: красный гриб). В представленных номинантах, мотивация воссоздаема в диахронии. Данное соотношение объясняется тем, что номинатор выделяет наиболее отличительный признак, который оценивается как дифференцирующий и наиболее информативный. Актуальность подобных мотивов определяется социальной значимостью именуемых реалий для жителей данных населенных пунктов.

Фактический материал содержит интересные наблюдения для **белого гриба**, где в качестве обобщающего слова кроме лексемы *панго* 'гриб' может выступать заимствование из русского языка *грип* 'гриб' (в некоторых говорах со словообразовательным суффиксом *-ва*): э. д. *альа гр'ip* (шрм.) // *альа гр'iba* (днк.) // *альа гр'ibava* (нмн.) (букв.: белый гриб).

В мордовских говорах для белого гриба отмечены метафорические названия, в которых, главным образом, выделяется семантическая модель 'нечто хорошее' → 'наименование': э. д. *bojarava панга* (шлк.) (букв.: барыня-гриб), э. д. *bojar альа*

paŋgo (брз., двд., тлт.) (букв.: боярин-белый гриб), э. д. *dorogoj paŋgõ* (нмн., с.пчр.) // э. д. *dorogoj grip* (ч.урм.) (букв.: дорогой-гриб); м. д. *moskovsk'dj paŋga* (тмш., шгв.) (букв.: московский гриб), м. д. *bojarõn' baŋga* (крн.) (букв.: боярский гриб). Данный признак в названиях грибов наблюдается и в других языках. Формирование миконимов в таком случае происходит с помощью вторичных номинативных единиц.

2. Модель 'свойство, воспринимаемое на вкус или обоняемое' → 'наименование': э. л. *ламбамо панго* 'сыроежка' (букв.: сладкий гриб); *иарато панго* (прк.) 'волнушка' // *иарато пангэ* (ант., дбн., злс., мрг., сйн.) 'горькуша' (букв.: горький гриб). Данная модель малопродуктивна.

3. Модель 'нечто скользкое, покрытое слизью' → 'наименование': *naula paŋgo* (б.тлк.) 'валуи' (букв.: скользкий гриб). Отметим, что в названии *куя панго* 'масленок' (букв.: жир-гриб), которое впервые в мордовской лексикографии зафиксировано профессором А.П. Рябовым [Рябов, 1930], отражено это же свойство. В настоящее время миконим активно употребляется в ряде эрзянских говоров: *куја панго* (н.трд., отр., сбв., смл., тгл.). Самое распространенное наименование **масленка** в эрзянских говорах – *навõlkaj* (< наволо 'скользкий' + словообразовательный суффикс *-kaj*), в мокшанских – *навла панга*, зафиксированное с пометой (диал.) в Мокшанско-русском словаре [1998]. В номинанте *ваи лангоня панга* 'масленок' (м. л.) кроме обобщающей лексики *панга* присутствует слово *лангоня* 'поверхность' с диминутивным суффиксом *-ня*, выступающее в функции дополнения и уточнения. В подобных номинантах компонент *лангоня* воспринимается как непроизводный.

4. Модель 'дерево' → 'наименование', которой свойственно «тяготение отдельных видов грибов к определенным породам деревьев» [Меркулова, 1967, с. 156], является распространенной. Корпус диалектных названий, входящий в данную модель, в основном совпадает с имеющимся в эрзянском и мокшанском литературных языках. Например: **подберезовик** – э. л. *килей панго*, м. л. *келубанга* (береза-гриб), **подосиновик** – э. л. *пой панго* (букв.: осина-гриб), м. л. *поювонь панга* (букв.: осины-гриб); **рыжик** – э. л. *пиче панго* (букв.: сосна-гриб), м. л. *пичень панга* (сосны-гриб); **дубовик** – э. л. *тумо панго* (букв.: дуб-гриб), м. л. *тумонь панга* (букв.: дуба-гриб). В приалатырском диалекте эрзянского языка наблюдается обязательное присутствие древнефинно-угорского носового согласного *ŋ* в конце слова вместо литературного *й* или *в*: *кил'еŋ панге* (дрк.) 'подберезовик'.

5. Модель: 'животное, насекомое' → 'наименование'. С одной стороны, данная модель в основном содержит пейоративные названия, подчеркивающие непригодность, несъедобность гриба для человека. Часто это отношение выражено в форме определения: э. л. *карвонь*, м. л. *карунь* 'мухи'; э. л., м. л. *кискань* // *тинень* 'собачий', э. л. *гуень*, м. л. *куень* 'змеиный', э. л. *верьгизэнь*, м. л. *верьгазонь* 'волчий', например: *гујин' паŋга* (кр.зрк.) 'бледная поганка' (букв.: змеи-гриб), *каровин' паŋгэ* (млс., шкш., шрм.) 'мухомор' (букв.: мухи-гриб), *каро панге* (дрк. м.срс.) 'мухомор' (букв.: муха-гриб), *kiska'paŋge* (дрк.) 'мухомор' (букв.: собаки-гриб). Кроме этого в эрзянских говорах имеется обилие вариантов для наименований несъедобных грибов: *vadov paŋge* (кбв.) (букв.: ястреб-гриб) 'мухомор', *аьо durak paŋge* (мл.) (букв.: белый-дурак-гриб) 'бледная поганка', *tataran' ьl'ap* (пркв.) (букв.: татарская-шляпа) 'бледная поганка', *раки панго* (Евсеев Р-267) (букв.: смеющийся-гриб) 'мухомор', *кавал панго* [Raasonen, 1994, S. 651] 'мухомор' (букв.: ястреб-гриб). Смешанные варианты, относящиеся к наименованиям **мухомора** и **бледной поганки**, очень часто являются трудно различимыми для носителей говоров, и для их понимания требуется контекст. Например: *durak paŋge* (дрк.) (букв.: дурак-гриб) 'мухомор', 'бледная поганка'.

В названиях типа э. д. *durak paŋгэ* (дрк.) (букв.: дурак-гриб), м. д. *karvõn' gulafõta* (нск.) (букв.: мухи-умерщвление), м.д. *karun' paŋga* (блд.рз.) (букв.: му-

хи-гриб), м. д. *karu uraftama panga* (ст.пшн., н.усд.) ‘мухомор’ (букв.: муха-уничтожение-гриб) отражена ядовитость растения, вызывающая у животных и человека отравление, нередко смертельное.

С другой стороны, в анализируемую модель включаются и наименования съедобных грибов, в которых, возможно, выражается пригодность гриба для самого животного или насекомого, хотя это мы отмечаем с малой долей вероятности. Например: *kaval panga* (мл.) ‘шампиньон’, *kiskan' panga* (нск.) ‘шампиньон’, *vadov pange* (ант., мрг., пвд., сйн., трг., чнд.) ‘шампиньон’ (коршун-гриб); *alala panga* (н.трд., смл., тгл.) ‘волнушка’ (лошадь-гриб), *lo'vatka* (ст.трд.) ‘волнушка’ (лошадка) и другие.

Диахронически слово, имеющее в своем составе лексему э. л. *karvo*, м. л. *ка-ру*, восходит к финно-волжскому периоду. Подобное название имеется в марийском языке – *кармы вонко* ‘мухомор’ (МРС, 1966, с. 332).

Любопытно отметить, что для разграничения пригодности и непригодности грибов в некоторых эрзянских говорах, например в говоре с. Пуркаево Дубенского района Республики Мордовия, используются словообразовательные возможности языка. Так, в номинации **мухомора** участвует составное образование *karvo panga*, а **сыроежки** – суффиксальное *карбнза*.

6. Модель ‘место произрастания’ → ‘наименование’. Миконимы, соответствующие данной модели, с точки зрения семантики мотивированы. Например, для **шампиньона** характерны следующие фонетические корреспонденции: *navuz panga* (смк.) // *navbz panga* (шгр.) // *naz'om panga* (прм.) (букв.: навоз-гриб). Как правило, шампиньоны растут в хорошо унавоженной почве, с достаточным содержанием перегноя. Номинант имеет ряд лексических синонимов: *moda potmon' альо гр'iba* (днк.) (букв.: земля-внутри-белый-гриб), *moda panga* (бзв., гзн., прк., смк., шгр.) (букв.: земля-гриб), в которых наблюдается отражение того этапа жизни гриба, когда его созревание происходит в земле.

Кроме вышеперечисленных в данную модель можно включить еще ряд наименований: *nar panga* (шлк.) ‘опенок’ (букв.: луг-гриб), *masrtar panga* (прк.) ‘груздь’ (букв.: земля-гриб), э. л. *палакс панго* ‘опенок’ (букв.: крапива-гриб), которые не представляют трудностей для этимологизации.

7. Модель ‘съедобность’ → ‘наименование’: *salbjftama panga* (нвл.) ‘груздь’ (букв.: соленье-гриб), *рультат panga* (анв., прп.) ‘белый гриб’ (букв.: обжаривание-гриб), *r'astam panga* (млч.) ‘белый гриб’ (букв.: жарить-гриб). Модель малопродуктивна.

8. Модель ‘время появления’ → ‘наименование’: *vas'in' panga* (кcg.) ‘сморчок’ (букв.: первый гриб), э. л. *тундонь панго* ‘сморчок’ (букв.: весенний гриб), *s'oks'en' op'enka* (кcg., смк., ст.нмн.) ‘осенние опята’. Как видно из приведенных примеров, модель мало продуктивна.

9. Модель ‘имя собственное’ → ‘наименование’: *dun'альа* (ст.нмн.) ‘дубовик’; *та'лаj panga* (чнд.) ‘кулачки’. В подобных наименованиях грибов очень сложно определить его характеристику, связана ли с каким-либо конкретным лицом той местности, где функционирует миконим, или же с каким-либо событием.

10. Модель ‘нечто изогнутое, выступающее, выпуклое’ → ‘наименование’. Особенностью является то, что ее функционирование наблюдается исключительно в мокшанских говорах: *traks guba* (врж.) ‘сыроежка’ (букв.: корова-губа), *ruza-van' guba* (прп.) ‘масленок’ (букв.: русской женщины-губа), *эльдень губа* [Поляков, 2001, с. 96] ‘свиноушки’ (букв.: кобылы-губа), *бояравань губа* [Поляков, 2001, с. 90] ‘белый гриб’ (букв.: барыни-губа), *люксиягуба* [Поляков, 2001, с. 92] ‘свиноушки’ (букв.: гречиши-губа). Компонент *губа*, вероятно, является русским диалектным заимствованием. В.А. Меркулова отмечает, что в русских говорах слово *губа* в течение длительного времени было названием грибов вообще или же названием грибов, идущих в засол [Меркулова, 1967, с. 167]. На почве же мокшанских говоров, в результате исторически длительного контактирования русского

и мордовского народов, возникло гибридное (мокшанско-русское) название, в котором выражены отношения 'нечто изогнутое, выступающее, выпуклое' → 'наименование'. Эти отношения семантически связаны со словами *зуба* 'гриб' и *зуба* 'морда, нос'. По свидетельству В.А. Меркуловой, большинство этимологов пришли к выводу о том, что *зуба* 'нос', 'морда' и *зуба* 'гриб' – одно и то же слово (их первоначальное значение 'нарост', 'выступ', 'край') [Меркулова, 1967, с. 168].

Общий вывод по анализируемому материалу можно сформулировать следующим образом: представленные лингвистические данные по диалектам мокшанского и эрзянского языков говорят о том, что употребление грибов в пищу мордовскими племенами – факт сравнительно поздний, начало которому положено в последней предступени общемордовского периода.

В мордовских диалектах сохранены единичные наименования, с помощью которых можно представить ареал их распространения. Это, например, **дождевик** – э. л. *поспанго*. Миконим довольно сложно раскрываем с точки зрения этимологии. Однако, на наш взгляд, его ареальное распространение, где сохранено название *кауато панга* (скв.) (букв.: дым-гриб), поможет представить семантическую модель: 'нечто воздушное, рассыпчатое' → 'наименование'. Этот гриб растет без ножки, его содержимое вначале роста выглядит в виде белой творожистой массы, а в конце созревания превращается в грибные споры темно-коричневого цвета. Вероятно, в наименовании *поспанго* первоначальными словообразовательными компонентами выступали *почт* 'мука' + *панго* 'гриб'. В результате «закона взаимосцепляемости» образовалось сложное слово, выражающее лексико-семантическое единство и отличающееся существенным избытком в сочетании согласных на стыке двух основ, что служило большим препятствием при произношении. Но благодаря переходу сочетания согласных (глухая аффриката + глухая смычная = **чт**) в глухой щелевой **с** образовалось новое сложное слово, более рациональное и удобное в произношении. По словам Г.О. Винокура, сложное слово является «результатом высокого этапа абстракции, оно нужно не только для удовлетворения потребности в новых словах, но также и потому, что очень часто действительно существует потребность выразить две идеи в одном слове» [Винокур, 1939, с. 46]. Перед нами тот случай переноса, который осуществлен через прямое значение. Значение наименования *поспанго* зависит от сочетаемости (*почт* 'мука' связано с понятиями «рыхлый», «рассыпчатый», «раздробленный» + *панго* 'гриб'), которая обуславливается определенными сущностными свойствами.

Ассоциации, которые положены в основу подобных наименований, говорят о широком восприятии предметов и явлений объективной действительности носителями тех или иных говоров. В результате их мыслительной деятельности происходит формирование познавательного образа, представления о тех предметах, с которыми они связаны в реальном мире. Создавая подобные наименования, базирующиеся на основе вторичной номинации, вероятно, каждый народ, даже самый малый по численности, осознанно прибегает к результатам речетворческого процесса.

Рассмотрев наиболее распространенные семантические модели миконимической лексики мордовских языков, отметим, что в исследуемых нами говорах выявлены и опосредованные восприятия признаков. Известно, что для **подберезовика** общераспространенным наименованием является э. л. *кил'ей панго*, м. л. *келу панга*. Единичные вкрапления, сохранившиеся в мордовских диалектах, например, *juda baba* (прк.) подтверждают тот факт, что представить тот образ, который послужил отправным, трудно. Носители данного говора связывают название с особенностью ножки гриба, которая покрыта темно-коричневыми крапинками; они скрыты шляпкой гриба. На наш взгляд, название заимствовано из русских говоров, расположенных на территории Большеберезниковского района Республики Мордовия. В.А. Меркулова отмечает, что «и в Польше *бабкой* называют

подберезовик, можно сблизить это слово с другим его названием – *обабок* и объединить их в этимологическом отношении, производя от корня *баб* = ‘морщиться, дрябнуть, разбухать’» [Меркулова, 1967, с. 177]. Для сравнения приведем такие наименования, как *ul'utka* (клч.) ‘валуи’, *skalun' ken'yt* (брз., днк., крв., млс., нрв., скв., стнд., шрм.) ‘свиноушки’ (букв.: коровьи-ногти), *l'ul'ka* (сйн) ‘сыроежка’, *ofiuu' al* (млс.) ‘дождевик’ (букв.: медведя-яйцо), в которых трудно объяснить, какой признак был выбран для наименования.

Постепенное и длительное общение с русским населением привело к активному проникновению русских наименований грибов как в оба мордовских литературных (эрзянский и мокшанский) языка, так и в их говоры с наличием фонетических, лексических и морфологических диалектных вариантов.

Литература

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словотворения в русской технической терминологии // Труды МИИФЛ. М., 1939. С. 3–54.

Марийско-русский словарь. М., 1966.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.

Поляков О.Е. Словарь мокшанских названий деревьев, кустарников, трав и грибов. Саранск, 2001.

Рябов А.П. Эрзянь-рузонь валкс. М., 1930.

Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б.А. Серебrenникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. М., 1998.

Цыганкин Д.В. Морфемика и словообразование мордовских языков: учеб. пособие. Саранск, 2006.

Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б.А. Серебrenникова, Р.Н. Бузаковой, М.В. Мосина. М., 1993.

Alvre P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusylesanded ja materjalid (konsonantshendid). Tartu, 1981.

Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Hamburg, 1977.

Korenych E. Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen. Budapest, 1972.

Raasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1990–1996. I–IV.

Условные сокращения

анв. – Анаево Zubovo-Полянського району РМ; **ант.** – Антоновка Дубенського р-на РМ; **бзв.** – Бузаево Большеберезниковського р-на РМ; **блд.рз.** – Болдово Рузавинського р-на РМ; **брз.** – Березняк Теньгушевського р-на РМ; **б.тлк.** – Большой Толкай Похвистневського р-на Самарської обл.; **врж.** – Варжеляй Торбеевського р-на РМ; **гзн.** – Гузынцы Большеберезниковського р-на РМ; **дбн.** – Дубенки Дубенського р-на РМ; **двд.** – Давыдовка Николаевського р-на Ульяновської обл.; **днк.** – Дудниково Теньгушевського р-на РМ; **дрк.** – Дюрки Атяшевського р-на РМ; **Евсеев Р-267** – Архивний словарний матеріал М.Е. Евсеева, Центральний державний архів Республіки Мордовія; **злс.** – Залесьє Дубенського р-на РМ; **к.вн.** – Красний Воїн Чамзинського р-на РМ; **кбв.** – Кабаево Дубенського р-на РМ; **крв.** – Кураево Теньгушевського р-на РМ; **кр.зрк.** – Красная Зорька Кочуровського р-на РМ; **крн.** – Мордовское Корино Ельниковського р-на РМ; **клч.** – Кличевка Похвистневського р-на Самарської обл.; **кскг.** – Косогоры Большеберезниковського р-на РМ; **манс.** – мансийский язык; **м. д.** – мокшанский диалектный; **м. л.** – мокшанский литературный; **мл.** – Мокшалай Чамзинського р-на РМ; **млс.** – Мельсетьево Теньгушевського р-на РМ; **млч.** – Молчаново Ельниковського р-на РМ; **мрг.** – Мор-

га Дубенского р-на РМ; **м.срс.** – Мордовские Сыреси Атяшевского р-на РМ; **нвл.** – Новлей Инсарского р-на РМ; **нмн.** – Найманы Павловского р-на Ульяновской обл.; **нрв.** – Нороватово Теньгушевского р-на РМ; **нск.** – Наскафтым Шемышейского р-на Пензенской обл.; **н.трд.** – Новые Турдаки Кочкуровского р-на РМ; **н.усд.** – Новый Усад Рузаевского р-на РМ; **пвд.** – Поводимово Дубенского р-на РМ; **отр.** – Отрадное Чамзинского р-на РМ; **прк.** – Паракино Большеберезниковского р-на РМ; **пркв.** – Пуркаево Дубенского р-на РМ; **прм.** – Пермиси Большеберезниковского р-на РМ; **прп.** – Парапино Ковылкинского р-на РМ; **сбв.** – Сабаево Кочкуровского р-на РМ; **сйн.** – Сайнино Дубенского р-на РМ; **скв.** – Сакаево Теньгушевского р-на РМ; **смк.** – Симкино Большеберезниковского р-на РМ; **смл.** – Семилей Кочкуровского р-на РМ; **с.пчр.** – Старый Пичеур Павловского р-на Ульяновской обл.; **стнд.** – Стандрово Теньгушевского р-на РМ; **ст.нмн.** – Старые Найманы Большеберезниковского р-на РМ; **ст.трд.** – Старые Турдаки Кочкуровского р-на РМ; **ст.пшн.** – Старое Пшенево Ковылкинского р-на РМ; **тгл.** – Тягловка Кочкуровского р-на РМ; **тлт.** – Телятниково Николаевского р-на Ульяновской обл.; **тмш.** – Темяшево Старошайговского р-на РМ; **трд.** – Турдаки Дубенского р-на РМ; **ф.-у.** – финно-угорский; **хант.** – хантыйский язык; **хлс.** – Хлыстовка Павловского р-на Ульяновской обл.; **чнд.** – Чиндяново Дубенского р-на РМ; **ч.прм.** – Черная Промза Большеберезниковского р-на РМ; **ч.урм.** – Чувашское Урметьево Челновершинского р-на Самарской обл.; **шгв.** – Старое Шайгово Старошайговского р-на РМ; **шгр.** – Шугурово Большеберезниковского р-на РМ; **шкш.** – Шокша Теньгушевского р-на РМ; **шлк.** – Шалкино Павловского р-на Ульяновской обл.; **шрм.** – Широмасово Теньгушевского р-на РМ; **э. д.** – эрзянский диалектный; **э. л.** – эрзянский литературный; **ясн.пол.** – Ясная Поляна Zubovo-Полянского р-на РМ.